

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008.001.14

Г. Л. Тульчинский <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Особенности и значение наррации в свидетельской литературе

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-68-46013

«Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Тульчинский Г. Л. Особенности и значение наррации в свидетельской литературе // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4 (121). С. 149-157. DOI 10.20323/1813-145X-2021-4-121-149-157

Свидетельская литература – важный и значимый фактор формирования исторической памяти. Свидетельские нарративы от третьего лица хорошо известны, не менее известны художественные описания от первого лица. Однако фактологические нарративные свидетельства от первого лица представляют особый интерес. Это первоначальные нарративы рефлексии личного опыта. Кроме того, эта рефлексивная наррация содержит динамику выстраивания целостной осмысленной картины мира, включая изменения содержания этой картины. Статья содержит результаты ценностно-нормативного анализа малоизвестных источников свидетельской литературы, в которых представлен опыт переживаний репрессий в СССР 1920-1980 гг. Обобщение результатов анализа позволяет говорить о двух циклах радикального перформатирования смысловой картины мира. В свою очередь, каждый такой цикл включает две фазы. Первая фаза связана с острашением привычного опыта и лиминальностью нового опыта. Вторая фаза выражает последующую реакгрегацию нового осмысления социального бытия. Эта динамика очень близка динамике осмысляющей наррации военных переживаний. Главные отличия связаны с большей акцентировкой виктимизации, другим отношением к акторам и причинам виктимизации.

С годами свидетельская литература становится все более важным материалом для социально-культурной инженерии выстраивания представлений о печальных событиях прошлого – их забвения (как осмысленного незабвения) с целью недопущения повторения в настоящем и будущем. Простое замалчивание таких обстоятельств образует неизжитые травмы общественного сознания, его «невротичность», невозможность дистанцироваться от прошлого, уверенно жить дальше, вызывая навязчивые ассоциации, а то и повторы, становится источником внутренних и внешних конфликтов. Конструктивное забвение обеспечивает не замалчивание и вычеркивание, а систематическое осмыслением исторического опыта.

Ключевые слова: историческая память, наррация, острашение, переживания, реакгрегация, свидетельская литература, смысловая картина мира, ценностно-нормативная модель, эмоции

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

G. L. Tulchinskii

Features and significance of narration in the witness literature

Witness literature is an important and significant factor in the historical memory formation. Third-person witness narratives are well-known, and 1-person fictional descriptions are equally well-known. However, first-person factual narrative evidence is of particular interest. They represent the initial reflection narratives of personal experience. In

addition, this reflexive narration contains the meaningful being picture dynamics, including changes in the content of this picture. The article contains the results of a value-normative analysis of little-known sources of witness literature, which presents the experience of the repressive practices in the USSR in 1920-1980. Generalization of the analysis results allows us to speak about two cycles of radical performance of the semantic picture of the world. In turn, each such cycle includes two phases. The first phase is associated with strangeness of familiar experience and the liminality of new experience. The second phase expresses the subsequent reaggregation of a new understanding of social life. These dynamics are very close to the dynamics of the conceptual narration of war experiences. The main differences are related to the greater emphasis on victimization, different attitudes towards actors and the reasons for victimization. Over the years, witness literature has become an important material for the socio-cultural engineering of building ideas about the sad events of the past – their oblivion (as meaningful unoblivion) in order to prevent their repetition in the present and in the future. A simple hush-up of such circumstances forms the enduring trauma of public consciousness, its «neuroticism», the inability to distance oneself from the past, to live confidently on, causing obsessive associations, or even repetitions, it becomes a source of internal and external conflicts. Constructive oblivion provides not suppression and deletion, but a systematic comprehension of historical experience.

Keywords: emotions, experiences, historical memory, narration, reaggregation, semantic picture of the world, strangeness, value-normative model, witness literature,

Постановка проблемы

Память свидетельствует о наличии сознания, а главное – самосознания. В юридической практике, и не только, первым тестом на вменяемость индивида является его способность назвать себя, дату и место рождения, свое место жительства, своих близких, род занятий и т. д., то есть вспомнить связный осмысленный нарратив своей биографии. Беспамятный человек – синоним невменяемого. Но то же самое можно сказать и о социуме – без связной и осмысленной общей исторической памяти он полноценным социумом не является. Память о ключевых событиях, достойных людях, памятных датах и местах, достижениях предшествующих поколений являются основой смысловой картины мира и социально-культурной идентичности.

Данная работа продолжает цикл исследований исторической памяти, начатый несколько лет назад в НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге совместно с Российской ассоциацией политической науки. Исследование было продолжено при поддержке грантов РНФ № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» (2018-2020 гг.) и № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность». В рамках этих исследований были выработаны представления о как минимум трех уровнях формирования и развития исторической памяти со своими лагами изменчивости и основными акторами, а также ценностно-нормативная модель осмысляющей наррации. Эта модель была апробирована на материале свидетельской литературы о войне, в анализе смысловой картины мира современного российского кинематографа

и на материале сравнительного анализа смысловых картин мира молодых художников Китая, России и США [Тульчинский 2020; Тульчинский 2020а; Gerasimov, 2020]

В этой работе предпринята попытка выявить и специфику наррации меморийной литературы, воспроизводящей воспоминания о тюремно-лагерном опыте советского времени. Этот литературный кластер получил название свидетельской литературы, так как в этих текстах засвидетельствована память о печальном социальном и личностном опыте, осмысление которого чрезвычайно важно для исторической памяти, в которой важную роль играет не только память героического торжества, побед, но и память скорби, печали, стыда. Замалчивание таких обстоятельств является источником внутренних и внешних конфликтов. Эти темы образуют неизжитые травмы общественного сознания, его «невротичность», обусловленную невозможностью дистанцироваться от прошлого, зафиксировать его, уверенно жить дальше, вызывая навязчивые ассоциации, а то и повторы.

Конструктивное забвение обеспечивает не замалчивание и вычеркивание, а систематическое осмыслением исторического опыта. Во-первых, это изживание прошлого на уровне научного осмысления (исторические и социологические исследования, их последующее архивирование, а также включение их результата в образовательные программы высокого уровня). Во-вторых, это символические презентации этой памяти, связанные с глубокой рефлексией скорби, печали. Без такой рефлексии исторические травмы предстают как нечто, достойное сожаления, но не более того, и неизжитые травмы постоянно дают о себе знать.

Сказанное особенно актуально для современного российского общества. Упомянутые выше аналитики показывают разительный дисбаланс между героизацией побед и скорбью относительно понесенных жертв и утрат в современных российских образовательных программах, контенте, транслируемого медийной средой, в современном искусстве.

И в этом плане обращение к свидетельской литературе позволяет сделать посильный вклад в преодоление этого дисбаланса.

Методология

В качестве подходов в анализе и интерпретации полученных результатов были выбраны следующие:

- Глубокая семиотика (deep semiotics) – расширение традиционного семиотического подхода за счет включения в смысловую структуру знаков и ее динамику роли личностного смысла как источника, средства и результата смыслообразования.

- Концепт остранения [Шкловский, 1925, с. 7-20] – как первая фаза динамики осмысления за счет помещения привычного, рутинного в новый контекст, когда привычное предстает странным, необычным, расширяя возможные представления о нем.

- Идею остранения дополняет концепт лиминальности [Тэрнер, 1983; Turner, 1986], перехода личности или социальной группы в новое состояние за счет выхода за пределы социальной нормативности, «обнуления» социальных статусов с последующей новой реакгрегацией.

- Информационная модель эмоций [Симонов, 1998], согласно которой сила эмоций прямо пропорциональна потребности, проблеме, с которой сталкивается личность, и разности между имеющейся и необходимой для решения проблемы информацией. В случае превышения имеющейся информации по отношению к необходимой или их равенства человек испытывает позитивные эмоции. В обратном случае – негативные.

Эти концепции помогли выработать упомянутую ценностно-нормативную модель смыслообразования [Тульчинский, 1998] – как пространство смыслообразования (см. Рис. 1). Важно подчеркнуть, что модель представлена не диаграммой, а именно в виде пространства, определяемого двумя осями, это пространство задающими, что позволяет квалифицировать сюжетосложение нарративов, проследить его динамику.

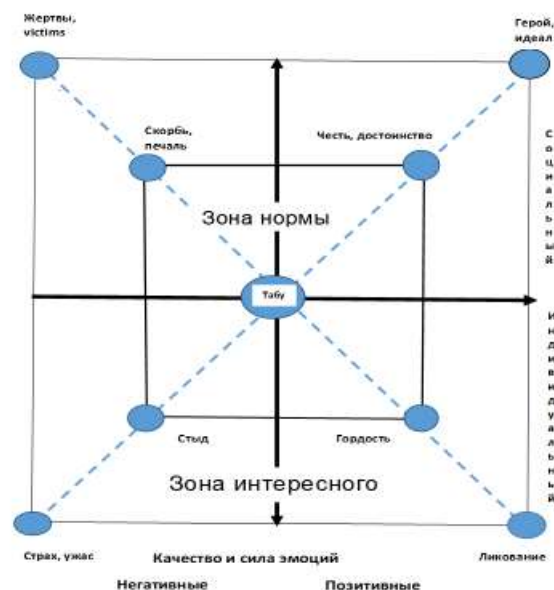

Рис. 1. Ценностно-нормативная модель нарративного смыслообразования

Исходной идеей этой модели является роль смысла в попытках конструктивного преодоления неопределенности, порождающей экзистенциальный и когнитивный дискомфорт. Выстраивая осмысляющие нормативы, человек преодолевает эти дискомфорты и связанные с ними неоднозначности, тревоги, страхи. При этом факторы личного опыта и эмоций, связанных с переживанием этого опыта, например, угроз выживанию, предшествуют рационально-когнитивным факторам [Инглхарт, 2018, с. 42-45; Фрэнк, 2017]. В строящихся нарративах объяснения вторичны, играют роль поздней (или защитной) рационализации эмоционально окрашенных переживаний. Без эмоций нет и не может быть решений, стремлений к их реализации.

С ключевой ролью эмоционально-оценочных факторов смыслообразования связана горизонтальная ось представленной модели. Чем сильнее потребность, тем сильнее эмоциональное переживание – позитивное или негативное. Вертикальная ось связана с соотношением индивидуального и социально-группового уровня оценки и переживания. В свою очередь, диагонали позволяют проследить перформативные установки наррации. Диагональ «левый низ – правый верх» представляет «когнитивную» линию установки на противостояние неопределенности, борьбу с нею, крайним проявлением чего является насилие. Герой, защитник в этом противостоянии способен проявить сверхнормативное насилие.

Другой, разрушительной, крайностью выступает ужас бессилия перед разрушительной силой. Крайние точки этой диагонали демонстрируют отношение к такому сверхнормативному насилию: позитивно-конструктивному со стороны героя и негативно-разрушительному со стороны стихии или врага. Диагональ «левый верх – правый низ» прослеживает моральные установки на выражение ответственности социализированной личности: от скорби по отношению к понесенным жертвам до гордости за торжество желаемого должного и ликующей сопричастности.

Выделенные в модели узлы позволяют обозначить определенные формы наррации, их основную тематику, а также зону нормативности (внутренний квадрат) – свою для каждой конкретной культуры, сферы деятельности и связанного с ними социума. Одновременно фиксируется и «зона интересного» – нарраций, порождающих повышенный интерес (новости, слухи, эпатаж), поскольку их тематизация выходит за рамки нормативного, которое обычно интереса не вызывает [Голосовкер, 2010].

Как координатные оси, так и диагонали пересекаются в точке отсчета любой культуры – системе запретов. Ограничения, табуирование задают первичное социальное нормирование, свойственное культуре как определенному способу жизни конкретного социума, отличающего его от других. Эмоционально негативные отклонения от нормы связаны с переживаниями и соответствующими нарративами на социальном уровне – от скорби и печали до стыда и покаяния, а на индивидуальном – от тревоги до ужаса. Позитивные эмоции связаны с торжеством разделяемых представлений о желаемом должном: на социальном уровне – от смеховой радости этого торжества до прославления идеального героя, а на индивидуальном – до гордости за сопричастность.

Главное же в данном контексте то, что представленная модель увязывает в целостной картине традиционные культурно-исторические темы, определяющие осмысление социальной реальности, историческое наследие и культурную идентичность. Более того, данная модель открывает возможности построения аналитических профилей нарративных практик различного уровня и масштаба: национальных, этнических, профессиональных культур и субкультур, их сопоставления. Действительно, традиционные те-

матические компоненты культурных идентичностей, исторической памяти хорошо известны: отцы-основатели, герои, жертвы, события и места, с ними связанные, важные для памяти гордости и скорби. Связанные с ними нарративы занимают свои вполне определенные места в пространстве предложенной модели.

Так, уже предварительные исследования показывают, что российской культуре, осмыслению ее истории в большей степени свойственны торжествующие исторические наррации, нежели наррации скорби, печали, раскаяния [Тульчинский, 2016; Etkind, 2013], в отличие от, например, германской [Ассман, 2014]. В первом приближении, за такой акцентуацией стоит исторический опыт выживания в критических ситуациях, требующего экстраординарных усилий: героическое и сакральное сверхнормативно. И свидетельская литература в этом плане материал очень благодарный.

В зависимости от автора и описываемого опыта, в принципе, можно различать несколько видов свидетельской литературы:

- свидетельства от 3-го лица, то есть описания чьих-то переживаний (индивидуальных, групповых, массовых), свидетелем которых являлся автор в документальных текстах, журналистике, художественных текстах;
- свидетельства от 1 и 3 лица – в художественной литературе;
- свидетельства от 1 лица – в меморийных текстах.

Последний случай представляется особенно интересным, потому что, во-первых, в нем мы имеем дело с первоначальным нарративом самосознания личного опыта, а во-вторых, в такой наррации представлена феноменология рефлексии выстраивания целостной осмысленной картины мира, а главное – динамики такого выстраивания, включая изменения содержания этой картины.

Материал

В качестве источников были взяты воспоминания Олега Владимировича Волкова (писатель – опыт Соловков, Колымы, Ухты, Тайшета, 1928-1958 гг.) [Волков, 2014]; Евгения Ильича Ухналева (народный художник РФ, член геральдического совета – опыт Воркуты-Лага, 1948-1954 гг.) [Ухналев, 2013]; Валерия Ефимовича Ронкина (поэт, публицист – опыт ИТК стро-

гого режима, тюрьмы, ссылки, 1965-1975 гг.) [Ронкин, 2003] и Анатолия Соломонович Бергера (писатель, поэт, драматург, библиотекарь – опыт тюрьмы, лагерей, ссылки, 1969-1974 гг.) [Бергер, 1991].

Выбор именно этих текстов был обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, по сравнению с книгами В. Шаламова, А. И. Солженицына, З. Гинзбург, П. Григоренко и других репрессированных, но выживших з/к, эти воспоминания менее известны, но при этом достойны включения в научный оборот. У некоторых из них потом выходили и другие книги, но я остановился именно на этих изданиях – как самых первых. Во-вторых, в них охвачен период с 1928 по 1975 г., то есть практически весь период становления советского общества: от сталинского «великого перелома» до брежневского «зрелого социализма» и позднего «застоя». Это лишний раз напоминает, что в СССР репрессии отнюдь не ограничивались 1936-1937 гг., а составляли постоянную практику режима. И наконец, в-третьих, я лично знал этих людей, большинства из них уже нет среди нас, и я считаю своим долгом отдать должное их памяти.

Результаты и интерпретация

Обращение к данным текстам выявляет общие черты их содержания, пониманию и обобщению очень помогают упомянутые выше концепции остранения и лиминальности. Хотя первая была сформулирована В. Б. Шкловским в рамках литературоведения, а вторая – В. Тернером на материале этнографической социологии, в обоих случаях речь идет о трансформации привычных представлений в новые смысловые комплексы и нормы. В этом процессе четко выделяются две основные стадии. Во-первых, это помещение привычного в новый контекст, в котором оно лишается закрепленных за ним характеристик – стадия собственно остранения, лиминальности. И во-вторых, стадия выстраивания нового комплекса остраненных смыслов, их монтаж, новая агрегация.

С этих позиций динамика содержания персоналогических нарративов переживания опыта репрессий предстает двумя циклами радикального перестраивания смысловой картины мира.

Этап (1) – описание нормальной жизни. Все упомянутые тексты начинаются с иногда очень подробных, с упоминанием важных событий в

стране и семье, рассказов о жизни семьи, близких, об учебе в школе и далее, первых успехах на работе, дальнейших жизненных планах – профессиональных и в личной жизни. При этом часто упоминается неоднозначная атмосфера в обществе, иногда со своим отношением и оценками, иногда безотносительно.

Этап (2) – выход из привычной нормальности бытия: арест, следствие, предварительное заключение, суд и приговор. Радикальная трансформация «обнуления всего предшествовавшего опыта, статуса, достижений, планов. Со стороны следователей тюремного и лагерного начальства, персонала, тюремно-лагерной иерархии самих заключенных нередкое демонстративное стремление унижить, акцентировать полную зависимость от следователя, вписать в дискомфортные регламенты, иногда под угрозой прямого физического насилия. Нередки свидетельства применения насилия к «непокорным».

Этап (3) – освоение «ненормального», вынужденной жизни по регламентам лишения свободы, выстраивание отношений с другими заключенными, администрацией, охранниками, режим иногда непосильно изматывающей работы – чаще всего – физической. Поскольку авторы текстов принадлежат к интеллигенции, то в их рефлексиях немалое место отводится быту и нравам, типичным ситуациям и нетривиальным поступкам и жизнеописаниям некоторых новых знакомых, поведению представителей тюремной и лагерной администрации, попыткам выстраивания определенных личностных типов. Нечасто, но встречаются попытки выстроить коалиции для личностного выживания, противостояния неадекватности поведения охранников и администрации; представить в вышестоящие органы обращения и жалоб.

Этап (4) – возвращение к нормальной жизни. Оно совершается или в результате социальных перемен, или по истечении срока. Иногда сопровождается судебными решениями. Но в случае и полного, и ограниченного освобождения (ссылка, жизнь на поселении, даже вместе с членами семьи) оно сопровождалось новыми проблемами, связанными с поиском жилья, трудоустройством, вращением в новую, изменившуюся жизнь, выстраиванием новых отношений. Не случайно у подавляющего большинства авторов воспоминаний, людей, активно пишущих и которым, по идее, есть что сказать «городу и миру», этот пе-

риод сопровождается «социальным молчанием» – душевные силы уходят не только на новое жизненное обустройство, но и на осмысление пережитого опыта.

Этап (5) – публичная рефлексия, включая публикацию воспоминаний. Мотивация для такой публичной рефлексии может быть разной. В случае рассмотренных авторов она совпадает с большинством известных авторов свидетельской литературы. Для Б. Бетельгейма, В. Франкла, Л. С. Клейна это стало, как известно, даже предметом научного анализа и существенного вклада в социальную психологию и этологию. Для В. Шаламова, З. Гинзбург – предметом художественного осмысления. Но не все прошедшие лагеря и ссылки прерывают «социальное молчание» или решаются на нарратив о собственном опыте от 1-го лица. Некоторые такие люди мне тоже хорошо известны. Кто-то не хочет ворошить собственное прошлое, вызывать у других чувство жалости или даже вины, тем более вспоминать о личной слабости. Кроме того, не все обладают развитым навыком письменной речи и в лучшем случае решаются на письменные воспоминания в рамках переписки с близкими или записей для семейного круга.

Но в любом случае можно констатировать упомянутые два цикла динамики смысловой картины социального бытия.

Первый:

– этап (1)-(2) – остранение имеющегося опыта, переход от нормальной социальной жизни в зону лиминальности;

– этап (3) – агрегация в этой зоне, «монтаж» нового смыслового комплекса из «остраченных смыслов», становящихся нормой, даже институциональной средой.

Второй:

– этап (4) – новое остранение и новая лиминальность, связанные с освобождением и возвращением к бывшей нормальности, уже изменившейся и воспринимаемой по-иному;

– этап (5) – новая агрегация и новый монтаж смысловой картины мира.

Таким образом, этапы динамики осмысляющей нарративации в рассмотренной свидетельской литературе практически во многом совпадают с динамикой осмысления персонологического опыта переживания войны: такие же 4 стадии и 2 переформатирования смысловой картины мира. Отличия заключаются в ценностно-нормативном

содержании, точнее в расстановке акцентов и степени.

В случае персонологических нарративов переживания войны первый цикл включает взрыв всех табу, полный крах нормативности, выявление сверхнормативной героизации и виктимизации с последующим привыканием и восприятием войны как рутинной деятельности, работы. А второй цикл включает новый шок возвращения к мирной жизни, необходимости выстраивания новых отношений и послевоенной личной и социальной жизни, с последующей нормализацией и институционализацией.

В случае свидетельской нарративации переживания военного времени после обнуления мирной нормативности и табуирования акцент делается на сверхнормативном героизме, жертвенности и виктимизации перед лицом сверхнормативной жестокости врага. Дополнением к ним являются сверхнормативные негативные эмоции ужаса и позитивные эмоции гордости и ликования. В случае нарративации переживаний репрессий позитивные эмоции выражены слабее, а проявления героизма трудноотличимы от виктимной жертвенности. И это естественно.

В свидетельствах ситуаций войны речь идет о ситуации смертельного противостояния с врагом, угрожающим жизни не только твоих близких, но и всего народа, существованию Отечества. В свидетельствах опыта репрессий насилие совершается представителями власти, государства по отношению к его гражданам и трактуется самой властью как норма. Однако это не снижает важности свидетельств такой акцентированной виктимизации. Наоборот, с течением времени их ценность и значение возрастают. А публичная презентация этой динамики личностного осмысления важна для динамики «нормативных» социальных значений посредством медиа, системы образования, гуманитарного знания.

Выводы: историческая память забвения

Выше отмечалась необходимость выработки включения печального личностного и социального опыта, который зафиксирован в свидетельской литературе, в ткань исторической памяти. Важно закрепление переживаний этого опыта в исторической памяти на всех трех уровнях ее реализации [Тульчинский, 2016; Тульчинский, 2018], каждому из которых свойственна своя динамика. Первый уровень (с лагом до 5 лет) реализуется

медийными технологиями, индустриями культуры и искусства. Здесь содержание исторической памяти наиболее подвижно, в зависимости от текущей внешней и внутренней ситуации, политического курса и т. п. На втором уровне (историческая наука, образование) режим более инерционный (лаг до 15-20 лет) – исследования должны пройти экспертизу на конференциях, в публикациях; коррективы образовательных программ, учебных планов, издание учебников тоже требуют времени. Третий уровень семейного воспитания, общения с близкими наиболее устойчив (лаг 30-50 лет, не менее 2-3 поколений), поскольку задает культурную идентичность.

Переоценка коллективного прошлого в зависимости от изменения социально-политического контекста – процесс естественный. Пересмотр, переоценка представлений о прошлом необходимы – меняются ситуация, расклад политических сил, одни интересы сменяют другие. Проводятся исследования, переписываются учебники, пересматриваются образовательные программы. Переосмысливается и личный, семейный опыт. История – дело не только историков и политиков.

В формировании исторической памяти участвуют практически все участники самого исторического процесса. Как и жизнь личности, жизнь социума переосмысливается с каждым пережитым этапом. Но для исторической памяти важны не только государственная символика, официальные ритуалы, содержание учебников и учебных программ, календарь памятных дат, введение или отмена общенациональных праздников. Не менее важно – сохранение целостности исторической памяти, с учетом практик скорби и печали, включая почитание определенных памятных мест, установку памятных знаков, проведение специальных событий, их освещение в медиа. И отношение к печальным событиям, практикам прошлого, жертвам этих практик, их осмысление и переосмысление занимают в этом процессе важное место.

Как показывает опыт некоторых наций, страдания и скорбь, память о героических (активных) жертвах «во имя» (*sacrifice*) и о трагических (пассивных) жертвах, мучениках «от» (*victim*), объединяют в не меньшей степени, чем радости. Показательно, что одним из уроков прошлого столетия стали национальные и даже международные практики печали и даже покаяния,

например – за трагедии Холокоста (шоа) [Асман, 2014, с. 123-124, 304].

Именно к таким практикам и примыкают практики забвения, которые очень важны для формирования национального самосознания, вообще культурной идентичности. Как писал Ф. Ницше, без забвения нет ни жизни, ни счастья, ни будущего, ни спокойной совести [Ницше, 1990, с. 441-442]. А Э. Ренан в своем знаменитом сорбоннском докладе 1882 г. «Что такое нация?» подчеркивал, что нация – это общность людей, у которых много общего и которые вместе многое забыли [Ренан, 1902, с. 91-92].

Действительно, как в истории каждой семьи есть свои «скелеты в шкафу», так и в истории народов есть обстоятельства, о которых не хотелось бы вспоминать. Но забвение не может сводиться к простому замалчиванию неприятных фактов истории. Остаются исторические факты, документальные архивы, свидетельства и память очевидцев, хранителями которых являются или сами очевидцы, или их потомки. Наконец, эти факты и обстоятельства могут храниться в исторической памяти других народов, входить как исторические травмы в их память и идентичность.

Следствием замалчиваний, педалирования собственного героизма являются конфликты, а то и войны исторической памяти. На наших глазах происходит «этический поворот», который не завершился итогами II Мировой войны. Продолжается формирование памяти народов и общечеловеческой культуры скорби и ответственности. Крах социалистической системы, распад СССР, формирование национальных государств Восточной Европы привели к информационным войнам относительно исторической памяти II Мировой войны, рефлексии исторической ответственности, опыта советских репрессий. Трансформация исторической памяти затрагивает все более глубокие пласты прошлого: колониальное прошлое и работорговлю, Гражданскую войну в США. Все это проявление той же исторической динамики.

Эта динамика затрагивает и российское общество. Бурные споры последнего времени о преподавании истории, оценке событий и деятелей прошлого (давнего и не очень), сносе и поставке исторических памятников, об исторических кинофильмах и телесериалах, стилистике празднования памятных дат связаны с тем, что

российское общество переживает активную фазу выработки «точки сборки» своего исторического нарратива, это споры о настоящем: кем мы хотим себя видеть сейчас, что для нас нынешних важно в нашем прошлом.

С годами, с уходом очевидцев, свидетельская литература становится более важным материалом для социально-культурной инженерии выстраивания таких представлений о печальных событиях прошлого – из забвения как осмысленного незабвения с целью недопущения их повторения в настоящем и будущем. Чтобы вместе что-то забыть, надо это сначала понять и осмыслить как печальное, но более недопустимое прошлое.

Библиографический список

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва : НЛО, 2014. 328 с.
2. Бергер А. С. Смерть живьем. Воспоминания. Тюрма-лагерь-ссылка. Ленинград – Мордовия – Сибирь. 1969-1974. Москва : ВГФ им. А. С. Пушкина, 1991. 83 с.
3. Волков О. В. Погружение во тьму. Москва : Братство св. Иоанна Богослова, 2014. 544 с.
4. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
5. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. Москва : Мысль, 2018. 346 с.
6. Ницше, Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. Москва : Мысль, 1990. 829 с.
7. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений : в 12-ти т. Т. 6. Киев, 1902. С. 87-101.
8. Ронкин В. Е. На смену декаблям приходят январь. Воспоминания бывшего бригадмилца и подпольщика, а позже политзаключенного и диссидента. Москва : Мемориал/Звенья, 2003. 480 с.
9. Симонов П. В. Лекции о работе головного мозга. Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности. Москва : Ин-т психологии РАН, 1998. 98 с.
10. Тульчинский Г. Л. Между гордостью и скорбью. Динамика персонологических измерений войны // Человек и война. Москва : Голос, 2020. С. 179-223.
11. Тульчинский Г. Л. Наррация в символической политике: Уровни и диахрония // Символическая политика: Вып. 4: Социальное конструирование пространства. Москва : ИНИОН РАН 2016. 372 с. С. 65-83.
12. Тульчинский Г. Л. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 175-193.
13. Тульчинский Г. Л. Современное искусство как практика себя и тестирование культуральной нормативности // Китай. Россия. США. Искусство. Гуманитарные науки: От поколения к поколению. Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2020а. С. 31-45.
14. Тэрнер В. Символ и ритуал. Москва : Наука, 1983. 277 с.
15. Ухналев Е. И. Это мое. Москва : АСТ, 2013. 256 с.
16. Фрэнк Р. Страсти в нашем разуме. Стратегическая роль эмоций. Москва : ИД ВШЭ, 2017. 288 с.
17. Шкловский В. Б. О теории прозы. Москва : Круг, 1925. С. 7-20.
18. Etkind A. Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied. Stanford: Stanford Univ. Press, 2013. 326 p.
19. Gerasimov S., Tereshchenko P. Public narratives in modern Russia: constructing a normative-value model in cinematography // Russian Journal of Communication. 2020. Vol. 12. № 1. P. 32-47.
20. Turner V., Buner E. M. (eds.), The Anthropology of Experience, Urbana & Chicago : University of Illinois, 1986. 391 p.

Reference list

1. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kultura i istoricheskaja politika = A long shadow of the past: Memorial culture and historical politics. Moskva : NLO, 2014. 328 s.
2. Berger A. S. Smert' zhiv'em. Vospominanija. Tjur'ma-lager'-ssylka. Leningrad – Mordovija – Sibir'. 1969-1974 = Death alive. Memories. Prison-camp-exile. Leningrad – Mordovia – Siberia. 1969-1974. Moskva : VGF im. A. S. Pushkina, 1991. 83 s.
3. Volkov O. V. Pogruzhenie vo t'mu = Immersion in darkness. Moskva : Bratstvo sv. Ioanna Bogoslova, 2014. 544 s.
4. Golosovker Ja. Je. Izbrannoe. Logika mifa = Selected. The logic of myth. Moskva ; Sankt-Peterburg : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2010. 496 s.
5. Inghart R. Kul'turnaja jevoljucija. Kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir = Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world. Moskva : Mysl', 2018. 346 s.
6. Nicshe, F. Sochinenija : v 2 t. T. 2 = Compositions : in 2 v. V. 2. Moskva : Mysl', 1990. 829 s.
7. Renan Je. Chto takoe nacija? = What is a nation? // Renan Je. Sobranie sochinenij : v 12-ti t. T. 6. Kiev, 1902. S. 87-101.
8. Ronkin V. E. Na smenu dekabram prihodjat janvari. Vospominanija byvshego brigadmil'ca i podpol'shhiika, a pozzhe politzakljuchennogo i dissidenta =

December is replaced by January. Memories of a former brigadier and underground, and later a political prisoner and dissident. Moskva : Memorial/Zven'ja, 2003. 480 s.

9. Simonov P. V. Lekcii o rabote golovnogoz mozga. Potrebnostno-informacionnaja teorija vysshej nervnoj dejatel'nosti = Lectures on brain work. Demand-information theory of higher nervous activity. Moskva : In-t psihologii RAN, 1998. 98 s.

10. Tul'chinskij G. L. Mezhdugordost'ju i skorb'ju. Dinamika personologicheskikh izmerenij vojny = Between pride and sorrow. Dynamics of personological dimensions of war // Chelovek i vojna. Moskva : Golos, 2020. S. 179-223.

11. Tul'chinskij G. L. Narracija v simvolicheskoj politike: Urovni i diahronija = Narration in symbolic politics: Levels and diachronium // Simvolicheskaja politika: Vyp. 4: Social'noe konstruirovanie prostranstva. Moskva : INION RAN 2016. 372 s. S. 65-83.

12. Tul'chinskij G. L. Ocenочно-jemocional'nye faktory smysloobrazovanija: normativno-cennostnye patterny narrativov kul'tury = Evaluation-emotional factors of meaning formation: normative-value patterns of narratives of culture // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2018. № 4 (30). S. 175-193.

13. Tul'chinskij G. L. Sovremennoe iskusstvo kak praktika sebja i testirovanie kul'tural'noj normativnosti = Contemporary art as practice of oneself and testing of

cultural normality // Kitaj. Rossija. SShA. Iskusstvo. Gumanitarnye nauki: Ot pokolenija k pokoleniju. Sankt-Peterburg : Skifija-print, 2020a. S. 31-45.

14. Tjerner V. Simvol i ritual = Symbol and ritual. Moskva : Nauka, 1983. 277 s.

15. Uhnalev E. I. Jeto moe = It's mine. Moskva : AST, 2013. 256 s.

16. Frjenk R. Strasti v nashenm razume. Strategicheskaja rol' jemocij = Passions in our minds. The strategic role of emotions. Moskva : ID VShJe, 2017. 288 s.

17. Shklovskij V. B. O teorii prozy = About prose theory. Moskva : Krug, 1925. S. 7-20.

18. Etkind A. Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied. Stanford: Stanford Univ. Press, 2013. 326 r.

19. Gerasimov S., Tereshchenko P. Public narratives in modern Russia: constructing a normative-value model in cinematography // Russian Journal of Communication. 2020. Vol. 12. № 1. R. 32-47.

20. Turner V., BunerE. M. (eds.), The Anthropology of Experience, Urbana & Chicago : University of Illinois, 1986. 391 r.